

Съ Природой и жизнью опять примирись!
 О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!

„Все небо намъ дало, мой другъ, съ бышiemъ:
 Все въ жизни къ великому средство!
 И гореснь и радость — все къ цѣли одной:
 Хвала [жизнодавцу - Зевесу!“

Василій Жуковскій.

БЕЗВѢРІЕ.

О вы, копорые съ язвительнымъ упрѣкомъ
 Считаая мрачное безвѣріе порокомъ,
 Бѣжите съ ужасомъ него, кшо съ первыхъ
 лѣтъ

Безумно погасилъ опрадный сердцу свѣтъ,
 Котораго вся жизнь естъ мракъ и изспун-
 ленье :

Восплачьте вы о немъ, имѣйте сожалѣнье! —
 Взгляните на него! не шамъ гдѣ каждый день
 Тщеславіе на всѣхъ наводишь ложну цѣнь :
 Но въ пишинѣ семьи, подѣ кровлею родною,
 Въ бесѣдѣ съ дружесивомъ, иль съ шемною
 мечною

Взгляните! бродишь онъ съ увядшею душой
 Своей ужасною помимый пуспопой.

То горьки слезы льешь : шо — рабъ сираспей,
 волненья —

Напрасно ищешь онъ уныныю развлеченья.

Напрасно, въ пышности свободной простоты,
 Природы передъ нимъ открыты красоты;
 Напрасно вокругъ себя печальный взоръ онъ во-
 дишь:

Умъ ищешь божества, а сердце не находишь.—
 Наснигнешь ли его глухихъ судьбъ ударъ:
 Обнимешь ли вдругъ минувный счастья даръ
 Въ любви ли, въ дружесквѣ ль, обнимешь онъ
 измѣну

И невозвратную онъ имъ узнаешь цѣну:
 Лишенный всѣхъ опоръ, ошпадшій вѣры сынъ,
 Ужъ видишь съ препешомъ, что въ міры онъ
 одинъ;

И мощная рука къ нему съ дарами мира
 Не расширяется изъ за предѣловъ міра.—
 Несчастные спрасней и немощей сыны,
 Мы всѣ на спранный гробъ родясь осуждены;
 Всечасно брѣнныхъ узъ гошова разрушенье;
 Нашъ вѣкъ, невѣрный день; смерть, быспрое
 замѣнье. —

Когда холодна тѣма объемлешь грозно насъ,
 Завѣсу вѣчности колеблешь смерпный часъ:
 Ужасно чувствовашъ слезы послѣдней муку
 И съ міромъ начинашь безвѣстную разлукъ!
 Тогда, бесѣдуя съ оставленною душой,
 О вѣра! ны спишишь у двери гробовой;
 Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь,
 И ободренную съ надеждой опускаешь. —
 Но, други, переживишь ужаснье друзей! . . .
 Лишь вѣра въ шипишь, опрадою своей,

Живить унылый духъ и сердца ожиданье;
 „Наспанешъ — говоришь — назначенно сви-
 данье“

А онъ, слѣпый мудрецъ! у гроба спонешъ онъ,
 Съ усладой бышя несчастный разлучень,
 Надежды пихаго не внемлешъ онъ привѣта:
 Подходишь къ гробу онъ, взываетъ . . . нѣшь
 опшѣта!

Видали ль вы его въ безмолвныхъ шѣхъ мѣ-
 спахъ,
 Гдѣ кровныхъ и друзей священный плѣшъ
 прахъ? . . .

Видали ль вы его надъ хладною могилой,
 Гдѣ Делю его шашся пепель милой?
 Къ почившимъ позванный вечерней пишиной,
 Къ креслу прикикнулъ онъ безчувственной
 главой;

Одинъ, съ опчаяншемъ, въ слезахъ ожеспю-
 ченья,
 Въ молчаньи ужаса, въ безумствѣ испупленья,
 Дрожишь! — И между шѣмъ, подъ сѣнью пе-
 мныхъ ивъ,

У гроба машери колѣна преклонилъ,
 Тамъ дѣва юная въ печальи безмятежной
 Возводишь къ небу взоръ болѣзненной и нѣ-
 жной.

Одна, шуманною луной озарена,
 Какъ Ангель горесши является она;
 Вдыхаетъ медленно, могилу обнимаешъ:
 Все шихо; но она — какъ каженся — внимаешъ.

Несчастный на нее въ безмолвствіи глядишь,
 Поникнулъ головой, препенеть и бѣжишь;
 Спѣшишь онъ далѣе, но въ слѣдъ унынья бро-
 дишь. —

Во храмъ Всевышняго съ толпой онъ молча
 входишь;

Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей :
 При древнемъ поржествѣ священныхъ ола-
 рей,

При гласъ пасыря , при сладкомъ хоромъ
 пѣнь

Тревожился его безвѣрное мученье.

Онъ Бога пайнаго нигдѣ, нигдѣ не зришь;

Съ померкшею душой святынѣ предспоишь ;

Холодный ко всему и чуждый умиленью ,

Съ досадою пихому внимаешь онъ моленью.

„Счастливецъ! — мыслишь онъ — почто не мо-
 жно мнѣ,

„Сспраспей бунтующихъ въ смиренной пи-
 шинѣ,

„Забывъ о разумѣ и немощномъ и спрогомъ,

„Съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ
 Богомъ?“

Напрасный сердца крикъ! нѣшь, нѣшь! не су-
 ждено,

Ему сей пайны знашь : безвѣріе одно ,

По жизненной спезѣ во мракѣ вождь унылый,

Несчастлиаго влечеть до вѣчныхъ вращъ мо-
 гилы!

г. 1818.

Александръ Пушкинъ.